

Т.В. Смирнова

Праздники поэзии Пастернака

Мы к лику сосен причтены...

Б. Пастернак

О Борисе Пастернаке

Борис Пастернак вошел в русскую литературу в 1913 году. Вошел стихами о природе. «Природе Пастернак предпочитает все», – писала Марина Цветаева. – В стихах Пастернака нет ни одного сетования на зной, или холод, или грязь. Что бы ни было за окном – дождь, солнце или просто хмурый день, который народ дивно зове святым, Пастернак уже заранее счастлив» благоговение перед природой, перед чудом жизни пронизывает все творчество Пастернака.

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь, обветшало-серый,
Скрывает лунную между.

Где пруд, как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.

1912 г.

Но широкую известность поэту принесла книга «Сестра моя – жизнь. Лето 1917», изданная в 1922 году. Валерий Брюсов писал: «Стихи Пастернака удостоились чести, не выпадавшей стихотворным произведениям приблизительно с эпохи Пушкина: они распространялись в списках. Молодые поэты знали стихи Пастернака, еще не появившиеся в печати, и ему подражали сильнее, чем Маяковскому».

СЛОЖА ВЕСЛА

Лодка колотится в сонной груди,
Ивы нависли, целуют в ключицы,
В локти, в уключины – о, погоди,
Это ведь может со всяким случиться!

Этим ведь в песне тешатся все.
Это ведь значит – пепел сиреневый,
Роскошь крошеной ромашки в росе,
Губы и губы на звезды выменивать!

Это ведь значит – обнять небосвод,
Руки сплести вокруг Геракла громадного,
Это ведь значит – века напролет,
Ночи на шелканье славок проматывать!
Из книги «Сестра моя – жизнь»

О стихах этого цикла Осип Мандельштам писал: «Это горящая соль каких-то речей, этот посвист, плеск, полнота звука, полнота жизни, половодье образов и чувств с неслыханной силой воспрянули в поэзии Пастернака».

В начале 30-х годов Пастернак создал цикл стихов «Второе рождение», объединенных любовью к женщине. Марина Цветаева заметила: «Даже одежда любимой женщины напоминает Пастернаку частицу природы».

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

«Никого не будет в доме...» 1931 г.

Корней Чуковский писал: «Многие из его собеседников помнят, как бурно, неистово, самозабвенно, щедро он изливал в разговорах свои заветные чувства и мысли. И в поэзии Пастернака также безмерная пылкость эмоций. Поэт, пытаясь запечатлеть во всей полноте то или иное мгновение своего бытия, ошеломленный хаосом запахов, красок, звучаний и чувств, торопится воплотить всю сумятицу впечатлений в стихах, не заботясь о том, чтобы они были поняты всеми».

Но с книги «На ранних поездах» стихи Пастернака меняются: становятся кристально прозрачны и ясны. Однако и в них, и в более поздних стихах остается то же ощущение чуда природы и чуда любви:

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

«Когда разгуляется». 1956 г.

Остается и ощущение невозможности выразить всю их громадность:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог,
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

.....
Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом в затылок.

В стихи б я внес
Дыханье роз, дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука.

«Во всем мне хочется дойти...» 1956 г.

В послевоенные годы в стихах Пастернака одной из главных тем стала евангельская тема, тема крестного пути Христа. Обращаясь к Богу, он писал:

Ты значил все в моей судьбе,
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил,
Всю ночь читал я Твой завет
И как от обморока ожил...

«Рассвет». 1947 г.

Эти стихи вошли в цикл стихотворений к роману «Доктор Живаго». Роман не был опубликован на Родине. Редакция «Нового мира» ответила автору письмом, в котором, в частности, было сказано: «Пафос Вашего романа – пафос утверждения, что Октябрьская революция, Гражданская война и связанные с ними последующие социальные перемены не принесли народу ничего, кроме страданий, а русскую интеллигенцию уничтожили или физически, или морально». Но Пастернак считал это произведение главным делом своей жизни. И передал рукопись за границу. В течение года роман вышел на 24 языках мира. Вениамин Каверин писал: «Психологическая стена между нами и Западом была плотной. Пастернак пробил ее одним ударом».

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони.
Мне наружу хода нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду,
Будь, что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолееет дух добра.

1959 г.

Пастернак не жалел о своем поступке: «Единственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, это роман, – говорил он, – Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях». Да и раньше он понимал, что не может поступить иначе:

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый,
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить – не поле перейти.

1946 г.

Но потрясение, испытанное поэтом, оказалось роковым. Его не стало 30 мая 1960 г. Похоронили Пастернака в Переделкине, неподалеку от казенной литфондовской дачи, на которой он жил.

Ах, осыпались лапы елочки,
Отзвенели его метели.
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он в своей постели.

И не то, чтобы с чем-то за сорок –
Ровно семьдесят, возраст смертный,
И не, чтоб какой-то пасынок –
Член Литфонда, усопший сметный!

Александр Галич

(Из стихотворения «Памяти Пастернака»)

Пришло другое время. Издаются книги Пастернака. На даче, где он жил, открыт музей. Отменено постановление об исключении Пастернака из писательской организации. Сыну поэта Шведская Академия вручила диплом Нобелевского лауреата и золотую медаль Бориса Пастернака. Пастернак навсегда вошел в историю русской литературы. Его поэзия нужна людям.

Лето в Мутовках

...Три с половиной месяца
провел в прекрасной местности...

Б. Пастернак

Лето 1927 года Б.Л. Пастернак с семьей провел в деревне Мутовки, в 7 верстах от станции Хотьково Ярославской железной дороги. Предыдущее его лето было тяжелым. В июле 1926 г. он писал Марине Цветаевой: «Я боюсь лета в городе <...>, одиночество дано в таком виде, в каком одиноко сумасшествие или одиноки муки ада <...>. Пыль, песок, духота, африканская жара». Жена поэта Евгения Владимировна с маленьким сыном Женей уезжала в то лето в Германию, он оставался в Москве один. Мучили Пастернака и бытовые проблемы. В письме двоюродной сестре О.М. Фрейденберг, подводя итоги лету 1926 г., он писал: «... мне кажется, что три месяца я только и делал, что вытирал пыль и подметал пол. Тольку уборку и помню, да несколько неотвеченных писем и недочитанных книг. Работалось же через пень-колоду».

Тяжесть лета 1926 г. усугублялась еще и тем, что необходимо было поставить в комнате перегородку, так как Пастернак много курил за работой, а

в этой же комнате находились и жена, и сын, и няня. Он подрядился с плотниками за 200 рублей. «Вчера, после их ухода, я был обнаружен на общей кухне в состоянии глубокого и молчаливого рассеяния, – писал поэт О.М. Фрейденберг. – На вопрос соседей, зашедших минут пять спустя, чего я ищу и не нахожу там, я пресерьезно ответил, что вот, дескать, беседовал с Мурзилкой (соседской кошкой), где мне достать эти деньги; но и на нее это подействовало так угнетающе, что она забралась от меня за кухонный стол».

Пастернак скучал по жене и признался в одном письме М. Цветаевой, что любит жену больше всего на свете, с этого момента мучительный эпистолярный роман с Цветаевой стал затухать. А когда в октябре вернулась из-за границы Евгения Владимировна, отношения в семье наладились». «Неладья наша с Женей отошла в область преданий», – писал Пастернак сестре. Зимой и весной он активно работал над поэмой «Лейтенант Шмидт».

И вот настало время позаботиться о том, как провести лето. В письме своей знакомой Р.Н. Ломоносовой 20 мая 1927 г. Пастернак писал: «Мы же, по видимому, снимем дачу в 60-ти верстах от Москвы, поблизости от Абрамцева, когда-то имения Аксаковых, в местности вообще, очевидно, отличавшейся высоким литературным вкусом – (невдалеке, в пяти верстах от деревни имение Тютчевых)». Далее Пастернак объяснял особенности выбранного им дома: «Вы знаете, вероятно, что теперь дачи строятся и сдаются крестьянами, планирующими их наподобие собственных изб <...>. И вот будущий наш хозяин в этом отношении особенно замечательный пример. В развороте и размерах строения он вообще оторвался от психологии деревни и заскочил, надо думать, вперед <...>. Достаточно сказать, что этот дом, который, конечно, он для себя строил, он вынес на самый обрыв, нет, более того, за откос, укрепив дику среди остальной деревни (по дерзости и художественным запросам) террасу огромными бревнами. Выбор места делает подозрительным его классовое самосознание. Это лучшее по живописности место верст на двадцать кругом. Что-то такое мы видели у Ларсона и Цорна. Но его зовут Веденеев, он не финн и Скандинавии не знает. Пастернак упомянул в письме шведских

художников, имея в виду, вероятно, их пейзажи с изображением сельских построек скандинавского типа.

И вот на этой террасе-балконе – Пастернак называл его своим воздушным кораблем – собирались по вечерам все родные, пили чай. Об этом в стихотворении «Любка», написанным тем летом:

Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье...

А собиралась за чаем большая компания: Борис Леонидович с женой, брат поэта Александр с женой Ириной Николаевной, урожденной Вильям, ее мать, брат и сестры. Одна из сестер – Анна Николаевна Вильям, – вспоминала, что в тот год была нестерпимая жара, а потом пошли страшные дожди. Речка Воря, что течет рядом с деревней, вышла из берегов, подошла чуть ли не к самому дому, где жила семья Пастернака. Вода бурлила и шумела. Купались, держась за ветки, чтобы не унесло потоком.

И в стихах Пастернака, написанных в Мутовках, отразилась погода того лета. Стихотворение «Ландыши» начинается словами: «С утра жара...» и далее «Жары нещадная резня...». И дожди того лета в стихах «Сирень», «Любка», «Пространство», «Приближение грозы». Поэт тогда даже изменил своей всегдашней любви к дождю, о которой писала Цветаева: «Любовь к дождю, как у ребенка». В стихотворении «Пространство» есть такие строки:

Недолго приходится ждать.
Движенье нахмуренной выси, –
И дождь, затяжной, как нужда,
Вывешивает свой бисер.

Но, несмотря на дождь, это было благодатное лето. Е.Б. Черняк, приезжавшая в Мутовки, вспоминала: «Утром проснулась рано, вышла на террасу и увидела, как Б.Л. с полотенцем через плечо спускался к речке. Он очень любил купаться, купался до глубокой осени. Позже пошли купаться и все мы. Справа, если глядеть с террасы на речку, подымался довольно высокий холм, весь покрытый кустами и мелколесьем. Именно этот холм навсегда связался в моей памяти со стихами Б.Л., которые он только что написал и нам

прочел в тот день: «Ландыши», «Предчувствие грозы». Гроза была посвящена Яше (Я.З. Черняку, литературному критику – .С.), и он был этим счастлив. Атмосфера в доме была хорошая, дружная. Женя мне потом говорила, что это был один из лучших периодов в ее жизни.

13 июля Пастернак писал сестре Жозефине в Лондон: «Жаркий летний полдень. Встали, как часто в последнее время, в седьмом часу. После чаю с Женичкой отправились в лес за соседнюю деревню. Он – на обрыве, место называется Маланьина гора. Сейчас пора покоса, ты догадываешься, чем дышит ветер. Мы пошли по ягоды. Помнишь младенчество? Вызови его в памяти, и ты вживе увидишь и Женичку с корзиночкой в руке и со страстью в глазах, тонущего на корточках в густой сочной траве, глушащей пни и кочки на этой полосе прошлогодней лесной порубки. А в ней не менее милые тебе крупные, зернистые рубины изомлевшей от зрелости земляники. Я могу работать и хочу, и полон надежд, но как исключителен режим, в котором это удастся. Тогда земляники втроем собирать нельзя».

Да, в то лето Пастернак написал немного стихов. Уж очень обильно оно было ягодами, грибами, орехами. «Три с половиной месяца провел в прекрасной местности без видимой пользы», – отметил поэт в одном из писем в сентябре 1927 г. Но пять стихотворений, перечисленных выше, он сам назвал антологическими, то есть объединенными темой одной местности.

Странички воспоминаний

Другие по живому следу...

Б.Пастернак

1987 год. Последнее воскресенье июня. Цветаевский праздник поэзии в Александрове, в Доме культуры. Большой зал полон. Атмосфера освобождения и восторга.

Мы, члены Клуба поэзии при Хотьковской библиотеке, выходим ошеломленные. И тут меня пронзает мысль: ведь мы в Хотькове тоже имеем право на проведение праздника поэзии – поэзии Бориса Пастернака. Я же совсем недавно читала письма Пастернака в том «Литературного наследства»

И там были письма 1927 года из Мутовок. А Мутовки, как сказано в примечании, – деревня в 7 км от станции Хотьково Северной железной дороги. Известно и какие стихи он написал в Мутовках.

Тут же на улице делюсь возникшей мыслью с одной из сотрудниц Хотьковской библиотеки. Говорю, что можно было бы пригласить актеров, которые выступали сегодня с фрагментом спектакля по письмам и стихам Пастернака и Цветаевой. В ответ:

– А Вы представляете, сколько денег они потребуют?

У вокзала наша группа распадается: мы вдвоем с библиотекарем Н.Н. Ждановой спешим за билетами. У остальных, должно быть, есть обратные. Вбегаем в вагон электрички за секунду до отправления. Плюхаемся на лавку. Поднимаем глаза ... Перед нами сидят актеры Елена Муратова и Евгений Радомысленский. Это они сегодня выступали.

– Сколько вам заплатили? – выпаливаю я.

– Ничего. Это честь – выступить на Цветаевском празднике.

Захлебываясь, объясняю, что Пастернак жил в Мутовках, рядом с городом, в котором мы живем, что можно устроить праздник Бориса Пастернака в Хотькове... Они соглашаются выступить.

Теперь надо найти единомышленников. Конечно, прежде всего, в библиотеке. Но сотрудница библиотеки, возглавляющая Клуб любителей поэзии, смотрит на меня, как на сумасшедшую: нет помещения, нет знакомств в литературном мире. Ничего нет.

Но остановиться я уже не могу. Какой самый большой зал в Хотькове? В Абрамцевском художественно-промышленном училище. Значит, там и надо проводить праздник. Ю.Я. Цыпин, директор Училища, обещает подумать. Теперь я по пути на работу встречаю его по утрам на узкой дорожке и останавливаю, раскинув руки:

– Юрий Яковлевич, Пастернак писал здесь стихи о природе, об Октябрьской революции. Что в этом плохого?

О Нобелевской премии, об исключении из Союза писателей благоразумно умалчиваю. Но, видимо, он что-то смутно слышал. Не отказывает, но и не соглашается. Встречаю его почти каждое утро:

– Ведь как раз 60 лет назад...

Наконец, директор сдается. Вопрос: когда проводить. В какой день?

– Ну, когда учащиеся с картошки вернутся...

Значит, в первое воскресенье октября. Тогда еще и цветы, наверное, не померзнут. (Не знала, что в этот день костер Марины Цветаевой в Тарусе, что День учителя...).

Кого же звать? Ни с кем из писателей не знакома. Нет, постойте, этой весной в отпуске познакомилась. В Коктебеле, возле Дома творчества писателей сидела на скамейке старая женщина. Она показалась мне такой одинокой, такой печальной ... Оказалось – потеряла кипятильник. А утром не может без кофе: после концлагеря по утрам головные боли. Евгения Александровна Таратута, специалист по творчеству Лилиан Войнич.

Ее телефон у меня есть – она дала его, чтобы вернуть в Москве мой кипятильник. Звоню. Оказывается, Таратута была даже знакома с Пастернаком! С 1931 года знакома, еще до своего ареста. Но нужна машина. Она инвалид.

– Вас били?

– Мужчин били сильней. Главное – не давали спать.

Где взять машину? 1987 год, частных машин мало. Никого из владельцев не знаю. Выручает моя хорошая знакомая Л.С. Суркова, член Клуба любителей поэзии. Она сообразила: у главного врача психиатрической больницы есть казенная машина. Значит, надо у него и просить.

Дал.

А еще ведь существует Союз писателей. Пусть пришлет кого-нибудь из своих членов. Пишу, звоню. Обещают прислать С.С. Лесневского, литературоведа. Он член Комиссии по литературному наследию Пастернака. Говорю с ним по телефону:

– Приеду, если мою собаку устроите. Я хочу ее с собой взять.

– Да хоть с крокодилом приезжайте. Устроим.

Покупаю для собаки килограмм мяса. Договариваюсь со своей знакомой Т.В. Анисимовой. У нее в Хотькове мама. У мамы дом, собака и загон для собаки. Свою собаку возьмут в дом. Встречаем на платформе в Абрамцеве Лесневского с собакой. Татьяна Валентиновна уводит рыжего Лиса. Мы с Лесневским идем в Училище. Чувствуется, как ему нудно предстоящее мероприятие. А потом так разошелся! Так высказался насчет фотографий Сталина – они все еще висели в зале ... Пришлось-таки директору их вскорости убрать.

В Абрамцевском училище взялась мне помогать Л.В. Синявина, преподаватель литературы. Выбрала шесть девочек из только что поступивших и поручила выучить стихи Пастернака. Стихи, что написаны в Мутовках. Даже стихотворение, написанное к 10-й годовщине Октября (Редчал разговор оживленный...).

– Такое длинное? Не успеет...

– Молодая. У молодых память хорошая.

И верно. Все выучили. И прочитали прекрасно.

Так. Литературоведы есть, артисты есть. Но какой же праздник без музыки? А должен быть именно праздник. Ведь про Пастернака Вениамин Каверин написал: «Праздничность была у него в крови <...>, он охотно делился ею со всеми».

Что же делать? Уж знакомых музыкантов у меня нет совсем. Но в Хотькове есть музыкальная школа. Директор Н.В. Хохлов. Может у него есть? О, да у него, оказывается, есть знакомые в Московской консерватории! Замечательно! Каких композиторов Пастернак упоминает? Скрябина, Шопена, Чайковского... Вот их-то и сыграют московские музыканты.

4 октября 1987 года. Первый праздник поэзии Пастернака. Первый в Хотькове. Первый в стране. Зал полон. Нет, переполнен. Стихи Пастернака почти никому недоступны – последний сборник вышел в 1945-м. «Доктор

Живаго» в нашей стране еще не опубликован. И вдруг соприкосновение с великой поэзией, с необыкновенной личностью поэта. Стихи, игра актеров, выступления литературоведов, музыка.... В зале подъем, какой нечасто приходится испытать человеку. Только на волне общественного подъема тех лет был возможен такой праздник.

А после праздника один из присутствовавших – Владимир Николаевич Князьков, инженер из Загорска, решил найти дом, где жил Пастернак. И нашел! (Мне в голову не пришло искать через 60 лет). Оказалось дом Веденеевых. И сейчас он стоит на краю деревни, над оврагом.

На следующий год уже приглашаем сына поэта – Евгения Борисовича. Приехал он с женой Еленой Владимировной и с родственницей А.Н. Вильям. Анна Николаевна жила в Мутовках с семьей своей сестры в то же лето 1927 года, снимали дачу через дом от Веденеевых. Мы с Л.С. Сурковой были потом у нее в гостях в Москве. И она много рассказала о том лете.

На втором празднике было принято обращение в Госкомиздат с просьбой выпустить произведения Пастернака массовым тиражом и издать воспоминания о поэте. 146 подписей. Из издательства пришел ответ, что тираж сборника стихотворений и поэм Бориса Пастернака в серии «Классики и современники» по просьбе читателей увеличен с 500 тысяч до 2-х миллионов экземпляров.

Второе обращение было в Союз писателей. На этом празднике выступила Л.Б. Либединская. Рассказала, что есть решение сделать музей Пастернака в Переделкине, в доме, где он жил. Но решение не выполняется. Через несколько лет после смерти поэта родных выселили – дача-то казенная, литфондовая. Дом разрушается.

Первое письмо с такой просьбой я посылала еще после первого праздника. Ответа не было. На второе пришла отписка. Но мы избрали Оргкомитет Пастернаковских праздников. И от его имени я стала настойчиво писать и В.В. Карпову в Союз писателей, и в Государственный литературный музей. Литературные чиновники отфутболивали письма в другие инстанции.

Тут мы узнали, что в Московском областном суде будет слушаться дело о судьбе дома Пастернака. В декабре 1988 года мы с Л.С. Сурковой были на этом заседании и выступали в защиту дома-музея. Впоследствии музей был открыт. Конечно, огромная заслуга в этом Андрея Вознесенского, наверное, кого-то еще. Мы же просто делали, что могли.

Тем временем в Абрамцевском училище сменился директор. Новому директору Л.Д. Дыменту я обязана очень интересным знакомством. Как-то он встретил меня на той дорожке, где я раньше встречала Ю.Я. Цыпина. Обрадовался. Приехала к ним в Училище группа детей из Англии, по обмену, кажется. И одна из сопровождавших женщин прямо в аэропорту заявила, что хочет побывать на могиле Пастернака. А где могила? Директор не знал.

И через несколько дней мы поехали в Переделкино. Айлин говорила по-русски, но стеснялась: практики нет. В маленьком городе, где она живет, нет русских. А выучила она язык, чтобы читать Пастернака в подлиннике. На переделкинском кладбище я была несколько раз, но всегда 30 мая, в день смерти поэта. В этот день сотни людей приходят на могилу, приносят цветы, зажигают свечи, читают стихи. Иностранцы приезжают целыми автобусами. Мы же пришли в обычный день августа. И оказались и в такой день не одиноки: к могиле подходили люди. А в доме шел ремонт. Посетителей не пускали. И все же Л.Д. Дымент уговорил разрешить Айлин войти на несколько минут. Мы ждали ее во дворе.

Прошло несколько лет. И Айлин снова приехала в Россию. И снова мы побывали в Переделкине. Оказалось, что она приняла православие – такое действие оказали на нее стихи Пастернака. Потом Айлин прислала мне фотографию маленькой церкви: она не только сама стала православной, но создала православную общину. Даже церковные праздники прихожане отмечают по нашему календарю. Так в английском графстве Шропшир появилась православная церковь.

1990-й год. ЮНЕСКО он был объявлен годом Пастернака. Подготовка к столетнему юбилею началась в 1989-м. В Музее изобразительных искусств

открылась выставка «Мир Пастернака». Огромную аудиторию собрали Пастернаковские чтения в Центральном доме литератора. На этих чтениях я увидела отца Александра Меня. Потом, на праздник 1990-го года, я его пригласила. Он ответил, что, к сожалению, не сможет быть: утром у него служба в церкви, потом занятия в воскресной школе, позже лекция. Пожелал успеха. Письмо пришло в день его похорон....

То, что был найден дом в Мутовках, где жил Пастернак, привело к мысли о мемориальной доске. Владельцы дома Веденевы, немного посомневавшись, согласились. Их убедила приехавшая в гости сестра хозяина – она маленькой девочкой видела поэта, помнила. Теперь нужен был материал, художник, деньги и согласие районных властей. Две квадратных плиты мрамора дал Л.Д. Дымент. Художник Юрий Веснин – он преподавал тогда в Абрамцевском училище – взял на себя исполнение. Вырезал профиль поэта, договорился с мастерской по изготовлению могильных памятников сделать текст. Художественный совет Училища утвердил композиционный замысел и выполнение в материале.

Деньги.... Неожиданно решился и вопрос с деньгами – предложила помощь В.Т. Устименко, тогда председатель Загорского отделения общества «Знание».

Не было только разрешения от отдела культуры. Несколько месяцев я ездила к заведующему районным отделом культуры К.А. Никулину. Он все не решался наложить резолюцию: вдруг хозяева дома потребуют сделать ремонт, вдруг захотят, чтобы к дому проложили дорогу... Наконец, подписал.

7 октября 1990 года доску открыли. Были речи, стихи, цветы. Цветы привезла из Москвы актриса Тамара Ямпольская. Выступил Н.В. Банников, редактор и друг Пастернака. Очень к месту прочитал он строки поэта:

Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова.
Талант – единственная новость,
Которая всегда жива.

Молча стояла городская администрация, каким-то образом, узнав о событии. Потом пошел дождь. Автобус застрял в грязи. Мы дружно его выталкивали. Жаль – у Н.Н. Соловьева кончилась к этому времени в фотоаппарате пленка.

Так открыли памятную доску Пастернаку. Вторую в мире. Первая – в Марбурге, немецком городе, на доме, где в студенческие годы жил Пастернак.

И в 1990-м году, на четвертом Пастернаковском празднике, нам впервые удалось организовать продажу сборника стихов Пастернака. После долгих переговоров – в них приняла большое участие Н.Н. Жданова – на автобусе Абрамцевского училища привезли книги из Московского издательства.

Праздники 1989, 1991 и 1992 годов были связаны и с именами поэтов, близких Пастернаку: Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой – это были годы их столетних юбилеев. В 1991 году с помощью члена Клуба любителей поэзии С.И. Корнеевой удалось организовать приезд в Хотьково Е.П. Муратовой и Е.В. Радомысленского со спектаклем «Улица Мандельштама».

За несколько лет в стенах Абрамцевского училища выступили литературоведы, писатели и поэты: Е.А. Таратута, С.С. Лесневский, Л.Б. Либединская, З.С. Паперный, В.Г. Смолицкий, Л.И. Болеславский, В.А. Приходко, Н.В. Банников. Выступил Е.Б. Пастернак. Играли и читали стихи актеры: Е.П. Муратова, Е.В. Радомысленский, Е.П. Кайранская, Т.В. Ямпольская. Приезжала режиссер Центрального телевидения Т.Е. Ананьева. Читали стихи жители Хотькова и Загорска, почитатели творчества Пастернака из Москвы. Звучала классическая музыка в исполнении музыкантов Московской консерватории. И, может быть, важнее всего то, что участниками праздников поэзии Пастернака были студенты Абрамцевского училища.

Но в 1992 году многое в обществе изменилось. И энтузиазм дирекции и коллектива преподавателей Училища угас. Пришлось менять место проведения праздников: школьный зал, Дом культуры, одна библиотека, другая.... Был круг людей, приходивших на праздник при любой погоде. Из года в год

приезжали из Москвы почитатели таланта поэта. Появлялись новые лица. Но массовость осталась в прошлом.

В 2000 году исполнилось 110 лет со дня рождения Пастернака. Я предложила устроить к этой дате выставку в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике. Семья Евгения Борисовича Пастернака предоставила графику Леонида Осиповича Пастернака, живопись первой жены поэта Евгении Владимировны, фотографии, книги и пр. На выставке был сделан фрагмент интерьера, воспроизводившего балкон дома в Мухомовках, с этюдником Е.В. Пастернак и с поставленным на мольберт портретом трехлетнего сына Пастернаков верхом на игрушечной лошадке. Летний характер интерьера был подчеркнут корзиной грибов на столе, соломенной шляпкой, полотенцем на спинке стула – известно, что Борис Леонидович ходил по утрам с полотенцем купаться на Ворю. Фоном интерьера был пейзаж, открывавшийся с балкона (фото Н.Н. Соловьева).

Во время работы выставки в музее был показан замечательный спектакль по письмам Пастернака и Цветаевой «Двух голосов переключка». При переполненном зале его сыграли Е.П. Муратова и Е.В. Радомысленский.

Выставка имела успех. И руководитель Сергиево-Посадского литературного объединения «Свиток» В.Н. Сосин предложил провести конкурс стихов о природе среди местных поэтов. Назвать его «Пастернаковское лето». Удачное название – напоминание о лете 1927 года, которое поэт провел в нашей местности, и напоминание о том, что из всех русских поэтов XVIII–XX веков Пастернак самый летний: он написал больше всех стихов об этом времени года. Подсчитал М. Эпштейн («Природа, мир, тайник вселенной...» М., 1990). Конкурс стал традиционным. Тематика вскоре была расширена. А также решено было принимать и прозу. Особенность в том, что участие в конкурсе анонимное: произведения подаются под девизами. У конкурса нет спонсоров. Потому ценных наград не бывает: победители получают яблоко, шишку с сосны, растущей возле дома Пастернака в Переделкине, глиняную свистульку, деревянную игрушку и т.п. Но с каждым годом желающих

участвовать все больше. С 2003 года конкурс проводится в четвертое воскресенье сентября в Сергиевом Посаде в Центральной районной библиотеке им. В.В. Розанова.

За месяц до праздника в библиотеке принимают на конкурс и стихи, и прозу. И не только о природе – теперь темы любые, ограничен только объем. Круг участников расширился – приезжают и москвичи, и жители других районов Московской области. Будем надеяться, что эта традиция сохранится, «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».

Опубл.: Пастернаковское лето. Произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака. Сергиев Посад, 2006. С. 3–40.